

Подарок для читателей журнала

ИЗ ДНЕВНИКА АМИЕЛЯ*

Предисловие и редакция Л.Н. Толстого

Перевод с французского М.Л. Толстой

*(Окончание. Начало см. № 3'2014, 4'2014, 1'2015,
2'2015, 3'2015, 4'2015, 1'2016, 2'2016, 3'2016)*

Горе побежденным,
горе слабым!

9 февраля 1880 г. Жизнь бежит, тем хуже для раненых. Как только слабеют силы, поток молодых и жадных сбивает тебя с ног. «*Vae victis, vae dibilibus*» («горе побежденным, горе слабым») кричит толпа, несущаяся на приступ земных благ. Как ни умаляй себя, ты всегда стоишь на дороге кому-нибудь, всегда занимаешь какое-нибудь пространство, потому что, как мало ни завидуй, сколь малым ни владей, кто-нибудь непременно завидует тебе и желает того, что ты имеешь. Подлый мир, мир подлецов! Чтобы утешиться, нужно думать об исключениях, о благородных, о возвышенных душах. Они есть, не будем же думать о других.

Как пропасть
близко!

Как пропасть близко! Мой челнок тонок, как ореховая скорлупа, быть может даже, как яичная. Пусть увеличится немного повреждение – и я чувствую, что все кончено для пловца. Самая ничтожная случайность отделяет меня от идиотизма, от сумасшествия, самая ничтожная случайность отделяет меня от смерти. Легкой бреши достаточно, чтобы причинить опасность этому искусному и ломкому сооружению, которое называется моим бытием и моей жизнью. Стрекоза недостаточно хрупка, чтобы быть символом этого бытия; мыльный пузырь лучше передает это призрачное великолепие, это убегающее проявление маленького я, которое и составляет нас...

Я предвижу
необходимость быть
в готовности

Ночь довольно плачевная, пробуждался три или четыре раза от моего бронхита. Меланхолия, беспокойство. Воз-

* *Амиель Генри (Henri Amiel)*. Из дневника Амиеля. – СПб.: Типография В. Демакова, 1894. – 107 с. [Для интеллигентных читателей. Издание «Посредника». Допущено цензурой. С.-Петербург, 2 сентября 1894 года].

можно, что я задохнусь в одну из этих зимних ночей. Я предвижу необходимость быть в готовности и привести все в порядок. Прежде всего сотрем все обиды, горечи, простим всем, не будем судить никого; будем смотреть на недоброжелательство и на вражду, как на недоразумение.

На смертном одре ум должен созерцать только вечное

«Насколько это зависит от нас, будем в мире со всеми людьми». На смертном одре ум должен созерцать только вечное. Все пошлости исчезают. Битва кончена. Можно вспомнить только о полученных благодеяниях и обожать пути Господни. Естественно, сосредоточиться на чувстве христианского смирения и милосердия. *«Отец, прости нам долги наши, как мы прощаем должникам нашим».*

Приготовься, как если бы ближайшая Пасха была бы твоей последней пасхой, ибо твои дни отныне будут коротки и тяжки.

Сам Бог смотрит снисходительно на невинные иллюзии человеческого рода

31 мая 1880 г. Вероятно сам Бог смотрит снисходительно на иллюзии человеческого рода, когда они невинны. Дурен только грех, то есть эгоизм и возмущение. Что касается заблуждения, то человек так часто меняет их, что никогда не выходит из них. Если всегда путешествуешь, то всегда где-нибудь да находишься; так всегда находишься на какой-нибудь точке истины, как, путешествуя, находишься на какой-нибудь точке земного шара. Только общество представляет некоторую полную единицу.

Личность должна довольствоваться тем, чтобы быть одним из камней здания

Личность должна довольствоваться тем, чтобы быть одним из камней здания, одним колесом огромной машины, одним словом, поэмы. Личность составляет часть семьи, государства, человечества, всех тех особенных совокупностей, которым слагаются вследствие интересов, верований и стремлений. Души самые возвышенные суть те, которые сознают всемирную симфонию и добровольно сотрудничают в том огромном и сложном концерте, который называется цивилизацией.

Ум принципиально способен уничтожить границы: языка, национальности, религии, расы, эпохи

Ум принципиально способен уничтожить все границы, которые он находит в себе, границы языка, национальности, религии, расы, эпохи. Но нужно сказать, что чем более он одухотворяется и обобщается, тем менее он действует на других. Влияние свойственно людям действия, а чтобы действовать, ничто так не полезно, как уозость мысли, соединенная с энергией воли.

Восторги свободы и радости путешествия в бесконечном

Полет мысли огромен, но действует ничтожно. Умам узким нужен успех, слава и выгода: и довольно с них. Но зато они никогда не узнают восторгов свободы и радости путешествия в бесконечном. Впрочем, я не предпочитаю одних другим, потому что каждый

счастлив только по своей природе. История совершается специалистами и борцами, но, я думаю, бесполезно и то, чтобы среди этой горячечной деятельности западного мира было бы хоть несколько браманизирующих душ.

Нравственное
равнодушие ведет
к безнравственности

1 июня 1880 г. Стэндалль (La Chartreuse de Parme). Произведение замечательное, типичное, образцовое (une tête de ligne). Стэндалль открывает ряд натуралистических романов, которые устраняют участие нравственного чувства и насмеваются над предполагаемой свободой. Личности безответственны; они управляемы своими страстями, и зрелище человеческих страстей доставляет радость неприятелю, пищу художнику. Стэндалль – романист во вкусе Тэна, верный изобразитель, не волнующийся, не негодующий и которого все забавляет: мошенник и мошенница, и честный человек, и честная женщина, но который не имеет ни веры, ни предпочтения, ни идеала.

Литература может
быть подчинена
науке: она может
составлять части
«гуманитарных»
знаний

Литература здесь подчинена естественной истории, науке; она не составляет уже части «гуманитарных» знаний, она не делает уже человеку чести ставить его в особый ряд, она ставит его в ряд с муравьями, бобрами и обезьянами. И это-то нравственное равнодушие ведет к безнравственности. Недостаток всей этой школы состоит в цинизме, презрении к человеку, принижаяемому до скотины; это есть культ силы, беззаботность души, недостаток великодушия, уважения, благородства, которые видишь, несмотря на все уверения противного; словом, это антигуманность. Нельзя быть безнаказанно материалистом; люди бывают грубы при самой утонченной культуре. Свобода мысли, конечно, великая вещь, но сердечное благородство, вера в добро, способность к энтузиазму и самопожертвованию, жажда совершенства и святости еще более прекрасны.

Демократия
существует – этот
образ правления
есть наименьшее зло

26 июня 1880 г. Демократия существует; напрасный труд замечать ее недостатки и смешные стороны. Всякий образ правления имеет свои недостатки, а этот образ правления есть все-таки наименьшее зло. Он невыгоден для вещей, но зато полезен для людей, потому что развивает личность, приучая каждого заниматься множеством различных вопросов. Он производит дурную работу, но образует граждан. В этом его оправдание, и оправдание это не только может быть принято, но имеет серьезное значение в глазах филантропа, потому

что в конце концов общественные учреждения сделаны для человека, а не наоборот.

Ощущение уходящей силы и теряющегося времени

1 июля 1880 г. (3 часа). Воздух тяжелый. Я должен буду пересмотреть мои заметки, подумать о завтрашних экзаменах. Внутреннее отвращение, недовольство, пустота. Ворчит ли это совесть, вздыхает ли сердце, душа ли раздирается? Или это ощущение уходящей силы и теряющегося времени? Откуда эта смутная тревога? От печали ли, от сожаления ли о чем-нибудь, или от предчувствия? Не знаю, но это неясное подтачивание сердца опасно; оно наталкивает на быстрые и безумные решения. Хочется убежать от самого себя, заглушить надоедливый голос того, чего нам недостает.

Недовольство – отец соблазнов

Недовольство – отец соблазнов. Нужно насытить невидимую змею, которая скрывается в глубине нашего колодца, насытить ее, чтобы усыпить. И все эти тщетные порывы, о чем свидетельствуют они? О стремлении к чему-то. Мы жаждем бесконечного, любви, чего-то непонятного. Это счастье рычит в глубине пропасти. Это Бог зовет или отмищает.

Не нарастает ли живой слой сознания на сотни умерших слоев?

8 июля 1880 г. Не подобна ли жизнь духа жизни старых ив или неумирающих бабабов? Не нарастает ли живой слой сознания на сотни умерших слоев? Умерших? Это слишком сильно сказано, но когда память ослабевает, прошедшее как будто уничтожено. Вспоминать, что знал что-либо, не есть богатство, но признак потери, это номер гравюры, которой уже нет на своем гвозде, заглавие книги, которой нет на ее полке. Таков мой ум; он представляет собою пустую раму тысяч стертых образов.

Мой ум есть только культура

Выработанный тысячами упражнений мой ум есть только культура, но он почти ничего не удержал в своей сети. Он уже только форма без содержания. Он не имеет более знания, а есть только метод. Он этеризовался, алгебраизовался. Жизнь поступила с ним так, как смерть поступает обыкновенно с другими умами; она уже приготовила его к дальнейшей метаморфозе.

Теперь я могу смотреть на жизнь почти как из-за гроба

С шестнадцати лет я уже умел смотреть глазами слепого, которому только что сняли катаракты, то есть отрешиться от воспитания зрения и уничтожить расстояния; теперь я могу смотреть на жизнь почти как из-за гроба; все мне странно, я могу быть вне своего тела, вне своей личности, я обезличен, отрешен, улетучен. – Не

сумасшествие ли это? – Нет. Сумасшествие составляет невозможность вернуться к своему равновесию после странствования в чуждых формах, после дантовских посещений невидимых миров. Сумасшествие состоит в невозможности судить самого себя и остановиться.

Мне же кажется, что мои умственные превращения суть только философские опыты. Я не связан ни с одним из них. Но я не скрываю от себя того, что эти попытки утончают нить здравого смысла, потому что уничтожают предрассудки и личные интересы.

Мне несколько лучше... но я состарился

29 августа 1880. Мне несколько лучше. Пользуюсь этим, чтобы возвратиться к оставленным упражнениям и прерванным привычкам. Но я состарился на несколько месяцев в одну неделю. Это очень заметно. Окружающие меня притворяются, что ничего не видят, но зеркало правдивее. Облегчение есть, но я все-таки слышу накативший челнок судьбы и чувствую, как бегу к смерти, несмотря на остановки и короткие перемирия.

Настоящее имя счастья – это довольство нашей судьбой

Самая прекрасная жизнь была бы подобна жизни реки, в которой водопады и пороги встречаются только при колыбели и усиливающееся течение которой образовалось бы из последовательного ряда богатых долин, переходящих каждая в озеро с разнообразными видами, одинаково живописными, и завершилась бы среди равнин старости соединением с океаном, в котором все усталое находит свое успокоение. Мало таких полных, плодотворных и приятных существований. К чему желать их или сожалеть о них? Мудрее и труднее считать свой удел наилучшим и сказать себе, что все-таки и самый лучший портной не может нам сделать кафтан более впору, чем наша кожа. «Настоящее имя счастья – это довольство своей судьбой». Главное для каждого то, чтобы помириться с своей судьбой. Она не сдержала того, что обещала тебе, ты иногда сердился на нее – довольно взаимных упреков; надо заснуть примиренным.

Мне кажется, что я делаюсь более духовным

9 сентября 1880 г. Мне кажется, что с уменьшением моей деятельной силы, я делаюсь более духовным. Все делается для меня прозрачным, я вижу типы, основу существ, смысл вещей.

Все личные события только предлоги для размышления

Все личные события представляются мне только частными опытами, только предложениями для размышления, фактами для обобщения их в законы, реальностями для преобразования их в мысли; жизнь представляется мне только документом, который надо растолковать, материей, которую надо одухотворить.

Мыслитель все более и более обезличивается

Такова жизнь мыслителя; он все более и более обезличивается с каждым днем. Если он соглашается испытывать и действовать, то только для того, чтобы лучше понимать. Если он чего хочет, то только для того, чтобы познать волю. Хотя ему приятно быть любимым и он не знает ничего столь радостного, но и тут ему кажется, что он только повод для явления, но не цель его. Он созерцает зрелище любви, и любовь остается для него зрелищем. Он не считает даже своего тела своим; он чувствует проходящим через себя жизненный вихрь, который дан ему на время только для того, чтобы он мог познавать вибрации мира.

Мыслитель удерживает только форму вещей, он требует для себя только мудрости

Он только мыслящий субъект и удерживает только форму вещей, он не приписывает себе никакой материальной собственности, он требует от жизни для себя только мудрости. Это настроение делает его непонятным для всего наслаждающегося, властвующего, захватывающего. Он воздушен, как привидение, которое можно видеть, но нельзя схватить. Он подобен человеку столько же, сколько тень Ахиллеса подобна живому человеку. Я еще не умер, но уже привидение. Люди кажутся мне сновидениями, и я представляюсь им сном.

Категория времени перестает существовать

Категория времени уже не существует для моего сознания, и вследствие этого все перегородки, которые делают из жизни дворец в тысячу комнат, падают для меня, и я не выхожу из первобытного, одноклеточного состояния. Я знаю себя только в состоянии монады и чувствую, что мои способности вновь возвращаются в ту субстанцию, которую они индивидуализировали. Все выгоды животности, таким образом, откинута, уничтожено также все то, что дало изучение и культура... Птица вернулась в яйцо, организм – в зародыш. Это психологическое явление есть предварение смерти; оно изображает жизнь загробную, возвращение к тому, из чего я вышел, уничтожение среди привидений, падение в область «*матерей*», или скорее укрощение личности, которая, откинув все случайности, существует уже только в состоянии нераздельности, в состоянии точки, в состоянии потенции, в состоянии нуля, но нуля плодотворного... Это ничто есть все. Этот «*punctum*» без измерений есть «*punctum saliens*».

Что такое желудь, как не дуб?

Что такое желудь, как не дуб, лишенный своих ветвей, листьев, ствола, корней, то есть всех своих приспособлений, всех форм, всех особенностей, но который сосредоточен в своей сущности, в своей производительной силе, который вновь может завоевать все, что она отбросила. Это обеднение, стало быть, есть только внешнее сокращение.

Возвратиться к своей вечности, это-то и значит умереть

Возвратиться к своей вечности, это-то и значит умереть, но не уничтожиться, это значит возвратиться к своей потенциальности.

Соберись с силами и мужайся

9 октября 1880 г. (Кларенс). Прогулка. Умиление и восхищение. Это было так прекрасно, так ласкающе, так поэтично, так матерински любовно. Лучи, листья, небо, колокола говорили мне: соберись с силами и мужайся, бедный страдалец. Это времена благоволения; здесь забвение, тишина, покой. Ошибки и страдания, беспокойства и сожаления, заботы и обиды – все это одно и то же бремя. Мы не различаем; мы облегчаем все страдания, мы распространяем мир, мы утешение. Привет усталым, огорченным, больным, грешникам, всему тому, что страдает сердцем, совестью и телом. Мы благодетельный источник, пейте и живите! Бог повелевает восходить своему солнцу над праведными и неправедными. Его щедрость не жалеет благодеяний, не взвешивает их, как меняла, и не нумерует, как кассир. Приходите! всем достанет!

Как узнать про человека, что он такое?

29 октября 1880 г. ... Как узнать про человека, что он такое? Прежде всего, по его поступкам, но и еще по чем-то таком, что познается только интуицией. Душа судит о душе по своему сродству с нею, через слова, через молчание, через поступки, через взгляды.

Положим, что этот критерий субъективен и подвержен ошибке, но, во-первых, у нас нет более верного, а потом точность приближения ответственна нравственному развитию судящего.

Мужество знает толк в мужестве

Мужество знает толк в мужестве, доброта в доброте, благородство в благородстве, прямодушие в прямодушии. Истинно знаешь только то, что потерял, то есть то, о чем сожалеешь, например, детская чистота, стыдливость девственницы, незапятнанность чести. Настоящий судья, стало быть, бесконечная доброта, а после нее возрожденный грешник или святой, человек, прошедший испытания, или мудрец. Справедливо, что наш пробный камень тем более чувствителен, чем менее мы дурны.

Как победить дурное расположение духа?

22 ноября 1880 г. Как победить дурное расположение духа? Прежде всего смирением: когда знаешь свою слабость, зачем раздражаться, когда другие указывают на нее? Это нелюбезно с их стороны, но они правы. Потом рассуждением: в конце концов остаться все-таки

тем, чем был, и если слишком уважал себя, то приходится только изменить о себе мнение; неучтивость ближнего оставляет нас такими, какими мы и были. Главное же прощением: есть только одно средство не ненавидеть тех, которые делают нам зло и обиды, это делать им добро; победить свой гнев добротою; их не переменишь этой победой над своими чувствами, но обуздаешь себя. Недостойно возмущаться за себя; должно возмущаться только ради общих и важных дел.

Нельзя
раздражаться на
человеческую злобу

Ничем нельзя вынуть из раны отравленного жала, как только бальзамом молчаливого и предупредительного милосердия. Зачем позволять себе раздражаться на человеческую злобу, на неблагодарность, на зависть, даже на коварство? Перекорам, жалобам, наказаниям никогда не будет конца. Самое простое – стереть все. Обиды, упреки, вспышки смущают душу.

Огонь очищает все

Человек любит судить, но есть одно зло, которое он не призван наказывать – это то, которое сделано ему самому. Надо иметь средство исцеления против этих зол. Огонь очищает все.

Моя душа подобна огню,
Который пожирает и окуривает
Все то, что бросают на него,
Чтобы заглушить его.

Есть два способа
определения людей

28 декабря 1880 г. Есть два способа определения людей, которых мы знаем: первый утилитарный, по отношению к себе, различаем друзей, врагов, симпатичных, индифферентных, тех, которые могут оказать нам услугу или повредить нам; второй, беспристрастный, распределяет их по их внутреннему значению, по их собственным качествам или недостаткам, вне чувств, которые они питают к нам или которые мы испытываем к ним.

Я оцениваю людей
по их личному
совершенству

Мне свойствен второй род определения. Я оцениваю людей менее по привязанности, которую они оказывают мне, чем по их личному совершенству, и не смешиваю благодарность с уважением. Хорошо, когда можно соединить оба чувства. Но тяжело быть обязанным благодарностью, не испытывая уважения и уверенности.

Ревность совершенно
противоположна
любви

Ревность – ужасное чувство. Оно кажется похожим на любовь – только совершенно противоположно ей. Ревность не ищет блага любимого предмета, но хочет его зависимости и своего торжества.

Любовь есть забвение своего «я»; ревность есть страстная форма эгоизма

Любовь есть забвение своего «я»; ревность есть самая страстная форма эгоизма, усиление своего деспотического, требовательного, тщеславного «я», которое не может себя забыть и подчинить. Контраст совершенный.

Притупление совести узнается по неспособности в негодовании, которую не нужно смешивать ни с кропотливостью любви, ни с сдержанностью смирения.

Человек есть страсть

Человек есть страсть, которая приводит в движение волю, которая в свою очередь толкает ум, и таким образом органы, которые как будто предназначены для служения уму, суть только орудия страсти. Детерминизм прав для людей толпы; свобода внутренняя существует только как исключение, и только вследствие победы над собой. Даже тот, кто вкусил свободы, свободен только промежутками и порывами. Истинная свобода не есть таким образом постоянное состояние, она не есть неразрушимое и всегда одинаковое свойство. Человек свободен только в той мере, в которой он не обманут собой, своими изворотами, своими инстинктами, своей природой. Человек свободен только вследствие критики и энергии, то есть вследствие отречения от себя и управления самим собой. Так что мы в рабстве, но способны к освобождению; мы связаны, но способны развязаться...

Материальные результаты суть только позднее проявление невидимых деятельностей. Ядро уже давно вылетело, когда звук выстрела доходит до нас. Решающие события совершаются в мысли.

Жизнь должна быть рождением души

Жизнь должна быть рождением души, выделением высшего вида реальности. Животное должно быть очеловечено, плоть должна быть претворена в дух; физиологическая деятельность должна быть превращена в мысль, в сознание, в разум, в справедливость, в великодушие, как свеча в свет и теплоту. Слепая, жадная, эгоистическая природа должна быть превращена в красоту, в благородство. Эта высшая алхимия оправдывает наше присутствие на земле; в этом наша миссия и наше достоинство.

Думать только о долге – в этом добровольном мучительстве есть свое благородство

Отказаться от счастья и думать только о долге, заменить желания сердца совестью: в этом добровольном мученичестве есть свое благородство. Наша природа противится нам в этом, но лучшее нашего «я» покоряется этому. Надежда на справедливость – признак болезненной чувствительности. Нужно уметь обходиться без нее.

Наше дело поступать так, как будто мир правосуден, как будто люди добры

Мужественный характер состоит в этой независимости. Пусть свет думает о нас что хочет, это его дело. Если он намерен поставить нас на наше место только после нашей смерти, или даже никогда, в этом его право. Наше же – в том, чтобы поступать так, как будто отечество признательно, как будто мир правосуден, как будто общественное мнение пронизательно, как будто жизнь справедлива, как будто люди добры.

Смерть может быть согласием и нравственным поступком

Даже смерть может быть согласием и потому нравственным поступком. Животное издыхает, человек должен вручить свою душу ее Создателю.

Немного сухости для сердца увеличило бы независимости

5 января 1881 г. Если б я имел здоровье, я был бы человеком самым свободным из тех, кого знаю, хотя немного сухости для моего сердца было бы необходимо, чтобы увеличить мою независимость.

Отречение есть охрана своего достоинства

Не будем преувеличивать: моя свобода только отрицательна. Никто не имеет преимуществ передо мной, но многие вещи мне менее возможны и, если б я имел глупость желать их, границы моей свободы сделались бы очевидны. От этого-то я остерегаюсь желать этих вещей и вызывать их в моем уме. Я хочу только того, что я могу, и таким образом я не толкаюсь ни о какую стену, я уничтожаю даже загородку моего луга. Я хочу скорее немного меньше того, что могу, чтобы даже не касаться препятствия. Отречение есть охрана своего достоинства. Отнимем у себя все, и ничто не будет у нас отнято. Тот, кто отдал свою жизнь, может смотреть в лицо смерти. Что же еще может она отнять у него? Отречение от желаний и исполнение закона любви – в этом метод Будды, в этом все искусство «освобождения»...

«Я завишу от природы и Бога»

Мое горло мучает меня. Идет снег. Таким образом, я завишу от природы и Бога. Но я не завишу от человеческого каприза: в этом-то и дело. Правда, мой аптекарь может сделать ошибку и отравить меня, мой банкир – привести меня к сума, так же как и землетрясение – разрушить мой дом, без вознаграждения. Полная независимость есть, стало быть, только чистая химера. Но у

«Поклянемся,
исключая Бога, не
иметь господина»

меня есть независимость относительная, независимость стойкая, который уходит в свою волю и запирает двери этой крепости.

«Поклянемся, исключая Бога, не иметь господина». Клятва древней Женевы останется моим девизом.

Огорчаться недоброжелательством, равнодушием людей – это слабость

10 января 1881 г. Огорчаться недоброжелательством, неблагодарностью, равнодушием людей – это слабость, к которой я склонен. Мне тяжело быть непонятым, осуждаемым, у меня нет сурового мужества, мое сердце уязвимо более, чем следует. А впрочем, мне кажется, что я потерпелся к этому и закалился. Недоброжелательство людей тревожит меня теперь меньше, чем бывало. Обязан ли я этому философии? Есть ли это следствие возраста? Или, может быть, причина этому просто в уважении и расположении, которые были мне оказаны? Мне нужны были эти доказательства для того, чтобы внушить мне какое-либо уважение к самому себе. Иначе я легко поверил бы в свое ничтожество и незначительность всех моих попыток. Для робких успех необходим. Одобрение нравственно возвышает, похвала – крепительный эликсир.

Жизнь не чувствует родства со смертью

23 января 1881 г. В эту минуту я чувствую себя хорошо и мне кажется странным, что я приговорен, и так скоро. Жизнь не чувствует никакого родства со смертью. Поэтому-то, вероятно, всегда и возрождается в нас машинальная, инстинктивная надежда, затемняющая разум и заставляющая сомневаться в верности научного решения. Жизнь стремится упорствовать в бытии. Она повторяет, как попугай в басне, даже в ту минуту, когда его душат:

«Это, это ничего».

Мысль видит дело как оно есть, но животное протестует

Мысль видит дело, как оно есть, то есть, что положение плохо, но животное протестует. Оно верит в зло, только когда оно наступило. Так ли дурно это? Вероятно, нет. Природа хочет, чтоб живущий защищался от смерти; надежда сливается с любовью к жизни; это – органический импульс, принимавший иногда религиозный характер.

Неизвестность есть убежище надежды

Кто знает, Бог может спасти нас, сделать чудо. При этом никогда нельзя быть уверенным, что нет какого-нибудь исцеляющего средства. Неизвестность есть убежище надежды. Сомнительное считается между благоприятными шансами. Бренность смертных хватается за всякую опору. Как упрекать ее в этом? Даже со всею

Воин не рассуждает
о полученном
приказе, он
повинуется

этой помощью она не избегает бедственности и отчаяния. Лучшее решение все-таки покоряться необходимости, называя ее отеческою волею Бога, и нести мужественно свой крест, во имя властителя судеб.

Воин не рассуждает о полученном приказе, он повинуется и умирает без ропота. Если бы прежде исполнения он хотел знать, на что служит его жертва, он не знал бы покорности.

Наши друзья не
знают наших бесед с
Царем ужасов

Я думал сегодня утром, что очень немногие люди имеют понятие о наших физических немощах, что наши близкие и даже наши самые интимные друзья не знают наших бесед с Царем ужасов. Есть мысли, которые нельзя поверить другому, есть печали, которые не разделяются. Нужно даже из великодушия скрывать их.

Мечтаешь один,
страдаешь один,
умираешь один

Мечтаешь один, страдаешь один, умираешь один, один и занимаешь дом из шести досок. Но не запрещено открывать Богу это одиночество. Суровый монолог делается таким образом диалогом, отвращение становится покорностью, отречение становится миром, болезненная раздавленность вновь делается свободой.

Мой Бог обнимает
меня

«Желать того, чего хочет Бог, есть единственное знание, которое дает нам покой».

Каждый из нас испытывает много противоположных побуждений, но как только он узнает, в чем закон, и подчиняется закону, все хорошо.

О если бы, как умирающий мудрец, мы бы могли сказать с миром:

«Я слишком долго блуждал, искал, я обманывался. Все благо; мой Бог обнимает меня».

Я заглянул близко
в глаза смерти...

29 января 1881 г. Ужасная ночь. Боролся три или четыре часа подряд с моими удушителями и заглянул близко в глаза смерти... Ясно, что меня ожидает задушение, асфиксия. Я задохнусь. Я бы не избрал этой смерти; но когда нет выбора, нужно только покоряться. Спиноза умер перед доктором, которого он приказал позвать. Ты должен свыкнуться с мыслью умереть внезапно, в одну прекрасную ночь, удушенный своим ларингитом. Это не то, что последний вздох патриарха, окруженного своим коленопреклоненным семейством. В этом нет красоты, величия и поэзии; но стоицизм состоит в отречении. *Abstine et sustine.*

Лучше не мучить
верных друзей

Ты ведь знаешь, что у тебя есть верные друзья; так лучше не мучить их. Стоны и волнения только делают еще более трудным великий переход. Одно слово заменяет все другие: да будет воля Бога, но не моя! Лейбница провожал к кладбищу только один его слуга. В одиночестве одра смерти и гроба нет ничего дурного. Таинственное непередаваемо. Диалог между душой и Царем ужасов не требует свидетелей. Живым хочется поклониться тому, кто уходит. И потом никто не знает наверно, что ему предназначено. Что будет, то будет. Наше дело только сказать «аминь».

Чувство
чрезвычайной
бренности
способствует
покорности

4 февраля 1881 г. Испытываешь странное ощущение, ложась в постель с мыслью, что не увидишь, может быть, завтрашнего дня. Это ощущение было у меня вчера довольно сильно, и между тем вот я жив. Чувство чрезвычайной бренности способствует покорности и уничтожает всякое честолюбие:

«Оставьте долгую надежду и обширные замыслы».

Работа на отдаленный срок кажется абсурдом; живешь только со дня на день.

Если рассчитываешь
только на
ближайшее время,
то довольствуешься
диалогом с самим
собой

Если не мечтаешь о том, чтобы видеть перед собой свободные пятилетие, год, месяц, если рассчитываешь только на 12 часов и если ближайшая ночь есть уже угроза и неизвестность, то очевидно, что отказываешься от искусства, науки и политики, довольствуясь диалогом с самим собой, возможным до самого конца.

Внутренний монолог
– единственное
утешение
осужденного на
смертную казнь

Внутренний монолог есть единственное утешение осужденного на смертную казнь, которая отсрочивается. Он уходит сам в себя, он не проявляется более наружу, он поглощен самоанализом. Он не действует более, он созерцает. Он еще пишет тем, которые ждут этого от него, но отказывается от публики и уходит сам в себя. Как заяц, он возвращается умирать на свое логово, и это логово есть его совесть, его мысль. Также и его задушевный дневник.

До тех пор, пока
человек может
держат перо, он
беседует со своим
Богом

До тех пор, пока он может держать перо и пока у него есть минута уединения, он сосредотачивается перед этим отзвуком самого себя и беседует с своим Богом. Но это не нравственное испытание, не акт раскаяния, не призывный крик. Это только «аминь покорности»... «Дитя мое, отдай Мне твое сердце».

Тяжесть жизни
удручает сердце –
это не эстетическое
состояние

7 февраля 1881 г. Сегодня прекрасное солнце. Но я имею едва достаточно силы, чтобы замечать его. Восхищение, радость предполагают хоть некоторое облегче-

ние. Тяжесть головы утомляет шею, тяжесть жизни удручает сердце; это не эстетическое состояние... Я думал о разных вещах, которые надо бы написать, но самое оригинальное, самое лучшее в нас самих то, что мы чаще всего теряем. Мы откладываем на будущее, которое никогда не приходит. *Omnia moriar.*

Предполагая, что твои недели сочтены, что должен ты делать?

14 февраля 1881 г. Предполагая, что твои недели сочтены, что должен ты делать, чтобы быть в согласии с миром? Возвратить каждому то, что ему приходится, отдать дань справедливости, благоразумию, доброте, оставить по себе добрую память. Попробуй не забыть ничего полезного и никого из тех, которые чего-нибудь ожидают от тебя.

Я чувствую себя навсегда пленником

18 февраля 1881 г. Погода туманная. Ночь провел довольно хорошо. Продолжаю, однако, худеть. Одним словом, коршун даст мне отдых, но парит над своей добычей. Возможность вернуться к моим служебным занятиям представляется мне сновидением...

Не имея в эту минуту впечатлений могилы, я чувствую себя навсегда пленником, хроническим больным. Это колебательное состояние, которое не есть ни жизнь, ни смерть, имеет свою прелесть, потому что если оно и есть отречение, оно позволяет мыслить. Это мечтание без страданий, тихая сосредоточенность.

Окруженный привязанностями и книгами, я плыву по течению времени

Окруженный привязанностями и книгами, я плыву по течению времени так же, как я скользил, бывало, иногда по каналам Голландии, без сотрясения и без шума. Мне кажется, что я еще в *трекшюте**. Едва слышишь иногда приятное журчание воды, рассекаемой бичевой баркой, или звук копыта гужевой лошади, которая бежит по песчаной дорожке. Путешествие при этих условиях имеет нечто фантастичное. Не уверен, что еще существуешь и держишься на земле. Вспоминаешь об умерших душах, о тенях, бегущих во мраке, об *inania regna*... Я смотрю, как проходят мои впечатления, мои мечты, мои мысли, мои воспоминания, как человек, который отрекся от всего.

* *Трекшют* [track – англ. курс, трасса; schuyt – нем. лодка] – разновидность лодок, сплавлявшихся по голландским каналам в XIX в.

Независимость и доброта должны провести равнодействующую

22 февраля 1881 г. Типическое движение ума мы видим в астрономии: нет неподвижности, но и нет поспешности; орбиты, циклы, стремительность, но гармония; движение, но порядок; все весит и противовесит; получает и отдает свет. Эта космическая и божеская деятельность не может ли сделаться нашей? *Взаимопоедание* борьбы всех против всех есть ли высший тип равновесия? Мне противно думать так. Фаза дикости принята некоторыми теоретиками за последнюю форму. Тут должна быть ошибка. Справедливость восторжествует, а справедливость не есть эгоизм. Независимость и доброта должны провести равнодействующую, которая и будет требуемой линией.

Меримэ умер от той же болезни, которая и меня мучает

14 марта 1881 г. Меримэ умер от той же болезни, которая и меня мучает. Бронхит и астма, отсюда инэдия* и, наконец, истощение. Он также испытал мышьяк, зимы в Каннах, сжатый воздух. Все было бесполезно. Удушение и истощение убили автора *Colomba. Nis tua res agitur...* Небо мрачное и серого цвета моих мыслей. Впрочем, и неизбежное имеет свою прелесть и свое успокоение. Блуждание иллюзий, неопределенность желаний, скачки, надежды уступают место тихой покорности. Находишься в каком-то загробном положении. Кстати, на этой неделе должен быть куплен мой уголок могильной земли в *Oазисе*. Все подходит к концу, *festinat ad eventum*.

Сколько усилий, чтобы помешать умереть!

Эта самозащита опротивела мне.

16 марта 1881 г. Печальная ночь, утро грустное... Два конька доктора, дигиталис и бром оказываются бесильными. Присутствую при своем разрушении с усталостью и скукой. Сколько усилий, чтобы помешать умереть! Эта самозащита опротивела мне.

Человек духовный должен выучиться кротости и долготерпению

Бесполезная и беспрестанная борьба унижает мужественную природу. Льву противнее всего бороться с мошкаррой. Человек естественный чувствует то же. Но человек духовный должен выучиться кротости и долготерпению. Неизбежное, это воля Бога. Хотелось бы дру-

* *Инэдия* (солнцеедство) – якобы имеющаяся у некоторых людей способность жить без пищи и воды. Устаревшее обозначение того, что сейчас называется нервной анорексией. В XIX веке инэдию связывали со сверхъестественным или духовным воздействием (по «Энциклопедии Заблуждений» Роберта Тодда Кэрролла).

гого, но надо принять тот жребий, который предназначен нам. Впрочем, одно только нужно:

Сохрани в моем сердце веру в Твою святую волю
И делай со мной, Боже, все, что Ты хочешь.

Постараемся быть
достойными

19 марта 1881 г. Отвращение, уныние. Сердце разрушается.

А между тем какие нежные заботы, какое участие окружает меня... Но без здоровья к чему все это? Зачем все то, что дано мне? Для чего нужны были испытания Иова? Чтобы созрело его терпение, изощрилась его покорность.

Так выйдем же из самих себя, стряхнем это уныние. Будем думать не о том, что потеряно, но о всем том, что могло бы еще потеряться. Сознанием наши преимущества. Постараемся быть достойными этих милостей.

Жизнь больного
слишком
эпикуреична

21 марта 1881 г. Эта жизнь больного слишком эпикуреична*. Вот уже пять недель, как я только то и делаю, что выжидаю, ухаживаю за собой, развлекаюсь, и пресыщение уже тут. Мне недостает труда. Труд есть приправа существования. Без цели, без усилия жизнь приторна. Леность приводит к вялости; вялость рождает отвращение. К тому же еще весенняя тоска. Это пора неопределенных желаний, глухих недомоганий, беспредметных вздохов. Видишь сны наяву. Ищешь чего-то ощупью. Стремишься к тому, что не имеет имени, если только то, к чему стремишься, не есть счастье или смерть.

Я не могу работать;
мне трудно суще-
ствовать. Не лучше
ли уступить место
живучему, деятель-
ному, производи-
тельному?

28 марта 1881 г. Я не могу работать; мне трудно существовать. Посвятим несколько месяцев баловству дружбы, потому что и это хорошо; но потом? Не лучше ли уступить место живучему, деятельному, производительному?

Хотел ли бы я еще
жить? Не думаю...

Хотел ли бы я еще жить? Не думаю. Я желаю одного – здоровья, не страдания. Но так как это невозможно, то остальное мне не нужно. Пресыщение. Усталость. Отречение. «Укротим наши сердца терпением».

* *Эпикуреизм* – этическое учение древнегреческого философа Эпикура (341–270 гг. до н.э.), основанное на разумном стремлении человека к счастью.

Мне все это уже
чуждо

10 апреля 1881 г. (Воскресение). Визит к Х... Она перечла мне письма 1844–1845 годов, писанные моей рукой. Сколько обещаний и какой ничтожный результат! Так вот что мы такое! Я потеряюсь в песках, как Рейн, и приближается час, когда моя струйка воды исчезнет.

Маленькая прогулка при заходящем солнце, впечатление рассеянных лучей и грозовых туч. Зеленая дымка обволакивает все деревья.

*«И все уже возрождается, и уже боярышник
Видел пчелу, прилетавшую на его цветок».*
Мне все это уже чуждо.

(В тот же день). Как обманчивы желания!.. Судьба сокрушает нас двояким образом: отказывая нам в наших желаниях и исполняя их. Но тот, кто хочет только того, чего хочет Бог, избегает обеих бед. «Все обращается к Его благу».

Мне знакомы дни
предсмертной тоски
и ночи агонии

15 апреля 1881 г. Сегодня страстная седмица, праздник скорби. Мне знакомы дни предсмертной тоски и ночи агонии. Будем вести смиренно свой крест. У тебя нет более будущего. Твоя обязанность привести в порядок настоящее и твои дела. Старайся хорошо кончить, потому что тебе нечего более предпринимать, нечего и продолжать.

Как трудно жить, о,
мое усталое сердце!

*19 апреля 1881 г. – Изнеможение... Полная слабость
плоти и духа...*
Как трудно жить, о, мое усталое сердце!*

Конец

* Генри Амиель умер 19 апреля 1881 года, не дожив до 60 лет нескольких месяцев...

